

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-6-15

Обращение Нацумэ Сосэки (1867–1916) к новому поколению литераторов: мысли писателя о литературных течениях

М.Г. Селимов

Аннотация. В статье представлен анализ двух теоретических трудов писателя Нацумэ Сосэки (夏目漱石, 1867–1916): очерк «Достоинства и недостатки *измов*» (イズムの功過 *Идзуму-но ко:ка*, 1910), в котором Нацумэ Сосэки призвал приверженцев натурализма, господствовавшего в Японии в начале XX в., не смотреть на японскую литературу сквозь *-измы*, выйти за рамки, установленные ими; лекция писателя по теории литературы «Мой индивидуализм» (私の個人主義 *Ватакуси-но кодзинсюги*, 1914). Эта лекция стала итогом многолетних теоретических изысканий писателя, главным из которых была неудавшаяся, как позже заявил литератор, монография «Теория литературы» (文学論 *Бунгакурон*, 1907). Тем не менее отечественное литературоведение не проявляло сколь-либо серьезный интерес к теоретическим трудам писателя, несмотря на то, что крайне занимательными являются мысли Нацумэ Сосэки об уместности использования западной терминологии для описания творчества японских художников. Писатель настаивал, что теория литературы должна учитывать контекст той или иной культуры, а не искать универсальные пути развития, обращаясь к типологии развития литератур и т.д. Нацумэ Сосэки стал первым японским теоретиком литературы, который заговорил о том, что идейные и художественные направления, появившиеся в европейской и американской культуре, несшие в себе ее отпечаток, обусловленные и сформированные определенными историческими процессами, не могут быть перенесены в виде матрицы на японскую землю лишь потому, что отдельные элементы западных художественных течений обнаруживаются в творчестве японцев. В настоящей работе поднимается вопрос ценности изучения теоретических сочинений Нацумэ Сосэки, ибо они проливают свет на то, какими категориями мыслил, как научно осмыслял закономерности, сущность и ход развития японской литературы один из самых влиятельных литераторов эпохи Мэйдзи (明治時代, 1868–1912).

Ключевые слова: японская литература XX в., Нацумэ Сосэки, теория литературы, критика.

Автор: Селимов Мазай Гаджимагомедович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (адрес: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, ИМЛИ РАН). ORCID 0000-0001-6937-0948; E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: М.Г. Селимов. Обращение Нацумэ Сосэки (1867–1916) к новому поколению литераторов: мысли писателя о литературных течениях // Японские исследования. 2024. № 1. С. 6–15. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-6-15

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00110.

Natsume Sōseki's address to the new generation of literary figures: The writer's thoughts on literary movements

M. Selimov

Abstract. This article analyzes two theoretical works by the writer Natsume Sōseki (夏目漱石, 1867–1916): the essay "Merits and Flaws of -isms" (イズムの功過, *Izumu-no Kōka*, 1910), in which Natsume Sōseki called on adherents of naturalism, prevalent in Japan in the early 20th century, not to view Japanese literature through the prisms of "isms" and to go beyond the boundaries set by them; and the writer's lecture on literary theory titled "My Individualism" (私の個人主義, *Watakushi-no Kojinshugi*, 1914). This lecture marked the culmination of the writer's years-long theoretical inquiries, the most significant of which was his unsuccessful, as he later acknowledged, monograph "Theory of Literature" (文学論, *Bungakuron*, 1907). However, Russian literary studies did not show any serious interest in Natsume Sōseki's theoretical works, despite the fact that Natsume Sōseki's thoughts on the appropriateness of using Western terminology to describe the works of Japanese artists are extremely intriguing. The writer insisted that literary theory should take into account the context of a particular culture rather than seek universal paths of development, resorting to typologies of literary development, etc. Natsume Sōseki became the first Japanese literary theorist to argue that ideological and artistic trends that emerged in European and American cultures, bearing their imprint and conditioned by specific historical processes, cannot be transposed as a template onto Japanese soil simply because certain elements of Western artistic currents are evident in the works of Japanese writers. The present study raises the question of the value of studying Natsume Sōseki's theoretical writings because they shed light on how he conceptualized, scientifically grasped the regularities, essence, and course of development of Japanese literature, being one of the most influential literary figures of the Meiji era (明治時代, 1868–1912).

Keywords: 20th century Japanese literature, Natsume Soseki, literary theory, critique.

Author: *Selimov Mazay*, Candidate of Philological Sciences, Researcher at the Department of Literature of Asian and African Countries, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Address: 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, IMLI RAS). ORCID: 0000-0001-6937-0948; E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Selimov, M. (2024). Obrashchenie Natsume Soseki (1867–1916) k novomu pokoleniyu literatorov: mysli pisatelya o literaturnykh techeniyakh [Natsume Sōseki's address to the new generation of literary figures: The writer's thoughts on literary movements]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 6–15. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-6-15

Acknowledgments. This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00110.

Введение

В июле 1910 г. в газете «Асахи» был опубликован очерк Нацумэ Сосэки «Достоинства и недостатки -измов». Это «письмо» было адресовано представителям творческой интеллигенции, которые стали именовать себя натуралистами. Они призывали к созданию литературы, не боящейся описывать самые уродливые стороны человеческого существования. При этом японский натурализм не был натурализмом в западном понимании: японская критика, например, не проводит границу между реализмом и натурализмом. «Движение за

натурализм” объединило разнородные и разнотильные явления общим художественным интересом к проблемам действительности» [Бердников 1994, с. 590]. Теоретик литературы и писатель Нацумэ Сосэки задался вопросом, можно ли вообще использовать *-измы*, изначально появившиеся в странах Европы, для описания японских литературных течений, и отстаивал более широкий взгляд на литературу. А в лекции 1914 г. «Мой индивидуализм» писатель представил окончательный вариант своих теоретических изысканий. Впервые этот текст был опубликован 22 марта 1915 г. в журнале «Ходзинкай дзасси» (輔仁會雜誌), он включает в себя небольшое вступление и расшифровку лекции по философии и теории литературы, прочитанной Нацумэ Сосэки студентам токийского университета Гакусюин (学習院大学) в 1914 г. В ней писатель излагает свою точку зрения развитие культуры и словесности. В основе его работы лежат культурно-исторический, описательный и аналитический методы исследования.

Очерк «Достоинства и недостатки *-измов*» ранее не переводился на русский язык; его перевод представлен в настоящей работе. Лекция «Мой индивидуализм» переведена С.Х. Булацевым [Булацев 1994], однако эта работа осталась вне поля зрения отечественных литературоведов, сосредоточившихся в основном на художественном творчестве писателя. Из работ, посвященных его наследию, нужно прежде всего назвать подготовленное В.С. Гривниным издание «Нацумэ Сосэки. Био-библиографический указатель» [Гривнин 1959], в котором собрана полная информация о всех произведениях литератора – как художественных, так и теоретических. Перед указателем помещена обширная статья о жизни и творчестве писателя. Также обращает на себя внимание диссертация В.А. Савилова «Творчество Нацумэ Сосэки в контексте становления японского реализма» [Савилов, 1999]. Исследователь рассматривает сложный процесс становления творческой манеры писателя в контексте развития реалистического направления в японской литературе XX в. и пытается раскрыть эстетическую концепцию реализма Нацумэ Сосэки, сосредоточившись на его художественных текстах. В работе не нашлось места теоретическим трудам писателя. Стоит отметить и статью Л.Ю. Хронопуло, в которой рассматривается ряд символов, при помощи которых выстроен мир фантазий в коротких новеллах Нацумэ Сосэки [Хронопуло, 2019, с. 108–119].

Культурно-историческая ситуация в Японии на рубеже эпох

Эпоха Мэйдзи, один из переломных этапов в развитии японской словесности, культуры и общества, начинается с ряда драматических событий, в ходе которых ликвидируется феодальная система эпохи Токугава (徳川時代、1603–1868). Новое руководство открывает внешнему миру страну, добровольно изолировавшуюся от него более чем на два с половиной столетия. А.Н. Мещеряков отмечает, что Япония «очутилась в мире с совсем другими правилами игры, которые были придуманы совсем не японцами» [Мещеряков 2018, с. 356]. Начало стремительной вестернизации сказалось на привычном укладе жизни японского общества, которое, замечу, на первых порах не пыталось противиться западному влиянию. О положении, в котором Япония оказалась во второй половине XIX в., пишет исследователь японской философской мысли Микеле Марра, отмечая, что страна «столкнулась с предоставлением, изучением и “перевариванием” – или “несварением” – более чем 2000-летней истории западной мысли» [Скворцова, Луцкий 2018, с. 176].

Эпоха Мэйдзи стала временем интеллектуального и духовного брожения, исканий, зарождения нового самобытного творчества. Это время проявило себя в литературно-эстетической сфере; именно оно явилось для Японии периодом уникального синтеза традиционных и новых взглядов на мир.

Обновления коснулись и взглядов на художественное творчество. Шли дискуссии о том, какой должна быть «новая» литература. Литературный критик и знаток Шекспира Цубоути Сёё

坪内逍遙 (1859–1935) одним из первых высказал идею, что литература может обладать некой самостоятельной ценностью, а не быть лишь чтением для приятного времяпрепровождения, как считалось в эпоху Токугава. В первых строках трактата «Сущность романа» (小説神髓, 1885) Цубоути Сёё заявил, что роман – это «искусство» [Цубоути, 2010, с. 14]. Следует отметить, что смысл, который западный человек вкладывает в термин «искусство», был для японцев тоже новым. «До второй половины XIX века... в японской культуре не существовало понятия искусство, а в языке не было термина с подобным содержанием» [Лебедева 2016, с. 6]. Поэтому японцам пришлось импортировать европейское понятие того «искусства», функция которого – возвышение ума через созерцание прекрасного. Однако слова Цубоути Сёё совершенно не говорят о том, что он полностью перечеркнул национальную литературную традицию.

Литературные критики постепенно выделили конкретный тип письма и назвали его «современной литературой». Процесс ее обсуждения привел к формированию некоего общего видения литературы как эстетического объекта. В труде «Происхождение современной японской литературы» (日本近代文学の起源, 1988) японский философ и литературный критик Каратани Кодзин обращается к трансформации японской письменности в последней трети XIX в. (*гэмбун итти*, единство речи и письма). Каратани отмечает, что уже в первое десятилетие периода Мэйдзи политические и интеллектуальные элиты следовали идеалам просвещенной Европы: безоговорочно приняли рациональный, «научный» и в какой-то степени утилитаристский путь развития общества, и китайская письменность на начальном этапе этого пути считалась препятствием, не отвечала стремлению стать частью просвещенного мира. Аргументы в пользу реформирования письменности часто подчеркивали необходимость «писать так, как говорят», однако Каратани указывает, что на самом деле речь шла не о повседневной речи: вопрос состоял скорее в том, как сделать язык понятным [Каратани 1988].

Ориентиром для первых критиков служила западная словесность, будто бы превосходящая японскую, ценимая выше ее. Именно Цубоути Сёё, проследив развитие японской художественной литературы, на вершину поставил роман европейского типа. На европейскую литературу и критику опирались первые теоретические труды: «Сущность романа» Цубоути Сёё, «Общая теория романа» (小説総論, 1886) Фтабатэй Симэй, «Теория романа» (小説論, 1889) Мори Огай и «Теория литературы» (文学論, 1907) Нацумэ Сосэки. Стоит заметить, что Футабатэй Симэй сконструировал свою теорию литературы, основываясь на статье В.Г. Белинского «Идея искусства» [Садокова 2017, с. 36].

Японские писатели второй половины XIX – начала XX в. прониклись западной литературой настолько, что стали экспериментировать с языком и стилем письма. Вначале это было необходимо для того, чтобы переводить европейскую литературу на японский язык; требовалась новая лексика, ибо имеющаяся была неспособна объяснить многих вещей. В Японии не существовало и самого термина «литература» в европейском его значении. Слово *бунгаку* (文学) приобрело значение, соответствующее западному, лишь с конца 1880-х гг. Само же иероглифическое сочетание 文学 изначально появилось в одном из самых значимых конфуцианских текстов Дальнего Востока «Лунь юй» (論語 «Беседы и суждения», входит в канон дальневосточного классического образования), составленном учениками Конфуция. В интересующее нас слово был вложен следующий смысл: «изучение», «обучение», «ученый» (в конфуцианском понимании). Переводить этим словом западный термин «литература» первым в Японии стал философ, внедривший западную философию в японское образование, член просветительского сообщества «Мэйрокуся» Ниси Аманэ 西周 (1829–1897). Он и несколько других ученых периода Бакумацу (幕末, 1853–1967) вступили в эпоху Мэйдзи уже убежденными в превосходстве западной культуры, а в 1870-е гг. Ниси Аманэ популяризировал различные стороны западной науки для японцев. По разным данным, Ниси Аманэ создал от 787 до 2872 неологизмов, из которых в Японии по сей день используются 606: «Субъект», «объект», «реальность», «феномен», «история», «сознание», «мысль», «идея», «философия»,

“психология”, “впечатление”, – без соответствующих слов трудно представить современный японский язык» [Скворцова, Луцкий 2018, с. 181].

Стремительная вестернизация не могла обойти стороной японский язык: просветители «нового поколения» требовали реформ в области языка. Государственный деятель и политик Маэдзима Хисока 前島密 (1835–1919) предложил отказаться от китайских иероглифов [Ямамото 1968, с. 86–94], что должно было облегчить обучение и способствовать распространению грамотности. Интеллектуалы также выступали за реформы письменных стилей, которые нужно было подстроить под нужды новой литературы.

Все эти эксперименты важны для понимания позиции Нацумэ Сосэки. Европейская литература и следовавшие за ней японские критики, которые в ней хорошо разбирались, поставили себя в привилегированное положение. Они заявляли о необходимости пересмотра основ: литературу нужно было, по их мнению, направлять и воспитывать, учиться у «лучших» – у западных авторов. Важной частью зарождавшейся в Японии теории литературы стала дидактическая функция: направлять, указывать «верный» путь с ориентацией на Запад.

Теоретические изыскания Нацумэ Сосэки

В лекции «Мой индивидуализм» писатель охарактеризовал свой труд «Теория литературы», собранный из лекций по теории литературы, которые Нацумэ Сосэки читал студентам Токийского университета, как «разложившийся труп»¹. Исследователи отмечают, что искания писателя в области теории литературы неразрывно связаны с его художественным наследием [Bourdagh, Ueda, Murphy 2009]. Нацумэ Сосэки заявляет, что отказался от идеи универсальности литературы и литературных вкусов. Он подчеркивает, что долгое время понимал английскую литературу не так, как ее понимает носитель английского языка: «Пытаясь сделать из литературы науку, я ошибочно пришел к выводу, что то, что нравится стране А, непременно вызовет восхищение и в стране Б. Я вынужден признать, что совершил ошибку. Возможно, мне стоило заново возвести фундамент, на котором бы зиждилось мое изучение теории литературы». В предисловии к своему труду «Литературная критика» Нацумэ Сосэки писал о глубокой вере японцев в компетентность европейских критиков, которые дают оценку художественным произведениям – как своим, так и восточным. Писатель предложил отказаться от покорного следования за иноземной критикой и начать самостоятельно анализировать литературу, в том числе иностранную, не заботясь о языковом барьере, о многослойности произведений, с которой можно столкнуться, о несовпадении мнений с западными литературоведами: «Если наша критика противоречит критике западного человека, то это не делает нас поверхностными». Таким образом, Нацумэ Сосэки отстаивал важность прочтения текстов японцами. «Точка зрения японца» (日本人のたちば) – вероятно, один из основных элементов теоретической мысли Нацумэ Сосэки в конце первой декады XX в.

Писатель подчеркивал социальную и историческую обусловленность литературы, культурную среду, в которой она создавалась, особенности языка. Изучение какой-либо литературы, по мнению Нацумэ Сосэки, требует знания культурного контекста. Эта позиция позволила ему оспаривать любые утверждения, согласно которым западная литература выше японской или китайской. Концепция, которую пытается выстроить писатель, заключается в следующем: каждая литература имеет свои уникальные характеристики, которые

¹ Здесь и далее лекция цитируется по электронному изданию: Natsume, S. (1915). Watakushi no Kojinsyugi [My Individualism]. https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/772_33100.html (дата обращения: 10.01.2024). (In Japanese).

невозможно перенести в другой язык и культуру. Примеры – краткость и точность японской поэзии, самобытное отношение к природе и ритуальному поведению. Нацумэ Сосэки считал, что и критика той или иной литературы не может исходить из универсальных стандартов, типологии и т.д.

Обращение к новому поколению литераторов

Очерк «Достоинства и недостатки -измов» мы приведем полностью², а затем обсудим важнейшие, на наш взгляд, его положения, сопоставляя их с идеями, высказанными в лекции «Мой индивидуализм».

Большинство -измов и доктрин – это результат упорядочивания любознательными людьми множества фактов, что дает нам возможность абстрагировать и в сжатом виде хранить всю эту информацию в ячейках нашего сознания. Однако, несмотря на плюсы компактного хранения, довольно часто возникает следующая проблема: уйму времени может отнять попытка разложить -изм и разобраться из чего он состоит. В итоге -измы часто оказываются бесполезными. В большинстве случаев они представляют собой не столько прямое руководство для практических действий, сколько универсальную картотеку, нашей жажде познаний она дает ложное удовлетворение. Ведь -измы – не учебник, а словарь или справочник.

Множество -измов обретают форму, когда ряд похожих произвольных примеров проходит сквозь изощренный ум и собирается в единую структуру. Пожалуй, это даже не форма, а скорее контур. И это то, что не обладает значением.

Мы приучаем себя к комфорту, отбрасывая содержимое и сосредотачиваясь на контурах. Это все равно что пользоваться бумажными банкнотами вместо того, чтобы носить с собой монеты. Мы как маленькие люди стремимся к легкости. В этом смысле -измы напоминают мне финансовые отчеты компаний или таблицы успеваемости студентов: за единственным столбцом цифр, за двумя рядами итоговых оценок скрыто течение времени: стремления людей, их радости и горести, успехи и неудачи – все, что никогда не повторится.

Соответственно, -измы базируются на материале из прошлого. Эти -измы – концепции, обобщающие прошлое. Они упрощают историю опыта, представляют собой контуры или шаблоны известных фактов. Попытка применить эти модели в будущем равна попытке предвидеть события, которые когда-либо случатся под небесами, стремлению вместить их в сосуд, созданный человеком.

Полагаю, что для удобства можно применять подобные шаблоны к механическим явлениям, существующим, например, в мире природы, особенно к простым, склонным к повторению. Поэтому исследования ученых, занимающихся подобным, могут быть применимы в будущем. Однако, если наш разум полностью подчинить какому-нибудь из -измов, то мы будем страдать из-за ограничений, накладываемых на нас этими предопределенными контурами. Существовать в качестве носителя предопределенного шаблона – значит быть безжизненной оболочкой, выполняющей механические функции. Нас определенно переполнит гнев, связанный со стеснением нашего умственного развития, нашего естества, с запретом следовать нашим истинным очертаниям. Когда наше сознание сталкивается с таким видом стыда, мы начинаем осознавать, что наше

² Перевод выполнен по изданию: Natsume, S. (1910). Izumu no kōka [The Merits and Flaws of -isms]. https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/2314_13564.html (дата обращения: 10.01.2023). (In Japanese).

прошлое теряет форму. Неправильно слепо применять -измы в будущем. Полагать, что -измы должны упорядочивать наше будущее только потому, что ими легко определять какие-то отрезки времени из прошлого, – просто безрассудство, подобное измерению роста или длины с помощью мерного стаканчика.

Прошло пять или шесть лет с момента появления натурализма. Я уверен, что его сторонники имеют свои причины следовать этому течению. И, насколько мне известно, отбросив дискуссии, в которых я слаб, не все в нем заслуживает критики. Тем не менее, натурализм – это тоже -изм. Будь то жизнь или искусство – это отрезок истории; натурализм по разным причинам развился на Западе, и контуры его были перенесены на нашу землю. Само собой разумеется, мы не живем для того, чтобы подтверждать существование этих контуров. Говорить о натурализме имеет смысл лишь тогда, когда содержание естественным образом соответствует контурам. Общественность к натурализму испытывает отвращение. Натуралисты звучно провозглашают свою доктрину вечной истиной, пытаясь применить ее ко всем аспектам человеческой жизни. Если бы натуралисты осторожнее и терпеливее следовали своему пути, они бы осознали, что лишь ускоряют свою гибель. Вместо того чтобы очерчивать довольно большой круг, вмещающий в себя все аспекты человеческой жизни, им стоило бы разумно и твердо держаться за одну маленькую область внутри этого круга, пытаясь добиться признания постоянства натурализма именно с ее помощью (перевод наш. – М. С.).

Мысль, высказанная Нацумэ Сосэки в этом небольшом очерке, перечеркивает долгие годы его работы над теорией литературы. Он отходит от попыток вписать японскую словесность в мировую, западные литературные течения уже кажутся ему чужеродными, западные термины – не применимыми для определения японских литературных направлений. Соответственно, художественные произведения писателя создаются с верой в своеобразие японской литературы, в уникальность типов художественного сознания, к которым неправильно было бы прилагать единый шаблон.

Обращаясь к студентам филологического факультета, Нацумэ Сосэки говорил, что литература должна быть отражением общества и его людей. Литература – это не форма развлечения, но средство понимания и выражения человеческих эмоций. Японцы стали забывать об индивидуальности. «Припишите все, что угодно кисти западного человека, и японцы будут слепо этому следовать» – говорил Нацумэ в своей лекции. Писатель подчеркивал, что многие японцы стали считать себя умнее лишь потому, что могут разбавлять свою речь иностранными именами: «Я бы мог ознакомиться с критикой одного европейца в адрес книги другого. Затем, не вникая в эту критику, по сути, не понимая ее вовсе, я бы пересказал вам ее. Эту часть механически полученной информации, это чужое мнение, которое я проглотил целиком, не являющееся моим, я бы изрыгнул под видом собственных мыслей. И японцы бы мне аплодировали». Нацумэ Сосэки подтверждает, что был подвержен влиянию европейцев, когда работал над трудом «Теория литературы»: «Я знал, что щеголяю в краденном костюме, украшаюсь приклеенными павлиньими перьями». Литератор осознавал, что необходимо прекратить строить теорию японской литературы с ориентацией за западную теорию: «Выходец с Запада, например, может сказать, что стихотворение хорошо сложено, имеет правильный тон, но это – его взгляд! <...> Я независимый японец, а не раб англичан, поэтому я должен обладать хотя бы толикой самоуважения».

Источником противоречий, который обозначает писатель, является национальный характер – различие нравов, обычаев, привычек, всего того, что позволяет иначе смотреть, трактовать и создавать произведения. Взгляд же европейских теоретиков писатель называет эгоцентричным: «Кем себя возомнили эти западные люди? Я чувствовал себя потерянным,

не мог пошевелиться, когда их идея эгоцентризма (自己本位) диктовала мне, где стоять и какой дорогой идти». Нацумэ Сосэки приходит к выводу, что теория литературы, которой он занимался долгие годы, является ошибочной.

Однако литератор полагает, что эгоцентризм должен вести и японцев: «Эгоцентризм стал для меня новым началом, и он помог мне найти то, что станет делом всей моей жизни. Я решил писать книги, чтобы рассказывать японцам, что им не нужно подражать Западу – их слепая погоня за другими приведет их только к истощению».

В 1910 г. со страниц газеты «Асахи» Нацумэ Сосэки обратился к писателям и критикам, которые активно использовали западные литературные термины для маркировки японских литературных течений. Он писал, что в большинстве своем -измы бесполезны. Они – совсем не тот компас, который мог бы вести японских критиков и литераторов в нужном направлении. Любые -измы прячут сущность вещей за некими контурами, которые помогают мозгу систематизировать ряды схожих примеров. Ограничивая что-то -измами, мы загоняем в эти рамки время, течение которого вместило в себя многое: радости, горести, успехи и неудачи. Следовательно, Нацумэ Сосэки задумывается на тему, не основываются ли -измы на событиях минувших дней. И -измы, которые используются японцами в настоящем, – это пройденный Западом опыт, состоящий из заданных в прошлом параметров, которые должны в точности совпасть, чтобы вновь можно было определить конкретное явление этим же -измом. Такие конструкции фиксируют и закрепляют прошлое, упрощая историю опыта.

Обращаясь к последователям натурализма, писатель говорит, что натурализм – это тот же -изм, фрагмент истории, который сложился из определенных переменных на Западе. Определять что-то как натурализм имеет смысл, когда деятельность японцев естественным образом соответствует этим контурам, но нет смысла пытаться втиснуть в эти рамки любой опыт, все аспекты человеческой жизни.

Заключение

Теоретические изыскания Нацумэ Сосэки, его мысли о теории литературы, о том, применима ли к творчеству японских авторов западная терминология, вызывают большой интерес. Текстологический анализ творчества японских писателей, например, Танидзаки Дзюнъитиро, говорит о том, что было бы неверно помещать его творчество в рамки неоромантизма, что довольно часто делают исследователи японской литературы. Оно носит отчетливо универсальный характер, дрейфует от элементов, присущих одному из направлений, к элементам, свойственным другому [Селимов 2023, с. 50–53]. К.Г. Санина также отмечает, что ни один исследователь современной литературы не смог отнести самого Нацумэ Сосэки «к какому-то определенному литературному течению» [Санина 2008, с. 175]

Соответственно, если придерживаться теоретических взглядов Нацумэ Сосэки, то мы не можем говорить об *-измах* применительно к японской литературе, но можем вести речь лишь о комбинации элементов, восходящих к разным литературным направлениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердников Г.П. История всемирной литературы. В 9 т. Т. 8. Москва: Наука. 1994.
- Буланцев С.Х. Нацумэ Сосэки. Мой индивидуализм // Петербургское Востоковедение. 1994. Вып. 5. С. 502–525.
- Гривнин В.С. Нацумэ Сосэки: Био-библиографический указатель. Москва: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. 1959.

- Лебедева О.И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков. Взгляды и концепции Окакура Какудзо. Москва: Изд. центр РГГУ. 2016.
- Мещеряков А.Н. Япония и Россия в эпоху трансформаций. К 150-летию революции Мэйдзи и 100-летию русской революции // Ежегодник Япония. 2018. Т.47. С. 350–366.
- Савилов В.А. Творчество Нацумэ Сосэки в контексте становления японского реализма. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва. 1999.
- Садокова А.Р. «Первая волна» японского реализма: новые темы в литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). С. 36–39.
- Санина К.Г. Пути развития неоромантизма в современной японской литературе // Вестник Челябинского гос. университета. 2008. Вып. 8. № 13 (114). С. 169–182.
- Скворцова Е.Л., Луцкий А.Л. О воззрениях японского просветителя Ниси Аманэ // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 176–186.
- Селимов М.Г. Образы идеальных женщин в творчестве Танидзакки Дзюнъитиро 1910-х – 1930-х гг.: динамика идейно-эстетических воззрений писателя. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва. 2023.
- Хронопуло Л.Ю. Символика цикла новелл «Десять ночей грёз» Нацумэ Сосэки // Вестник московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2019. № 1. С. 108–119.

REFERENCES

- Berdnikov, G. (1994). *Istoriya vsemirnoi literatury: v 9 tomakh* [History of World Literature: In 9 Volumes]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Bulantsev, S. (1994). Natsume Soseki. Moi individualizm [My Individualism]. *Peterburgskoe Vostokovedenie*, 5, 502–525. (In Russian).
- Grivnin, V. (1959). *Natsume Soseki: Bio-bibliograficheskii ukazatel'* [Natsume Sōseki: Bio-Bibliographic Index]. Moscow: Izd-vo vsesoyuznoi knizhnoi palaty. (In Russian).
- Hronopulo, L. (2019). Simvolika tsikla novell “Desyat’ nochei gryoz” Natsume Soseki [Symbolism of the Novel Cycle “Ten Nights of Dreams” by Natsume Sōseki]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Series 13. Vostokovedenie*, 1, 108–119. (In Russian).
- Lebedeva, O. (2016). *Iskusstvo Yaponii na rubezhe XIX–XX vekov. Vzglyady i kontseptsii Okakura Kakudzo* [Japanese Art at the Turn of the 20th Century. Okakura Kakuzo and His Writings]. Moscow: Izd. tsentr RGGU. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. (2018). Yaponiya i Rossiya v epokhu transformatsii. K 150-letiyu revolyutsii Meiji i 100-letiyu russkoi revolyutsii [Japan and Russia in the Era of Transformations: On the 150th Anniversary of the Meiji Revolution and the 100th Anniversary of the Russian Revolution]. *Yearbook Japan*, 47, 350–366. (In Russian).
- Sadokova, A. (2017). “Pervaya volna” yaponskogo realizma: novye temy v literature [The First Wave of Japanese Realism: New Themes in Literature]. *Philology. Theory & Practice*, 4 (70), 36–39. (In Russian).
- Sanina, K. (2008). Puti razvitiya neoromantizma v sovremennoi yaponskoi literature [Paths of Development of Neoromanticism in Modern Japanese Literature]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 13 (114), 69–182. (In Russian).
- Savilov, V. (1999). *Tvorchestvo Natsume Soseki v kontekste stanovleniya yaponskogo realizma* [The Works of Natsume Sōseki in the Context of the Formation of Japanese Realism]. Candidate of Philological Sciences dissertation. Moscow. (In Russian).
- Selimov, M. (2023). *Obrazy ideal'nykh zhenshchin v tvorchestve Tanidzaki Dzyun'itiro 1910-h – 1930-h gg.: dinamika ideino-esteticheskikh vozzrenii pisatelya* [Ideal Women's Images in the Works of Tanizaki Jun'ichirō in the 1910s-1930s: Dynamics of the Writer's Ideological and Aesthetic Views]. Candidate of Philological Sciences dissertation. Moscow. (In Russian).

Skvortsova, E., Lutsii, A. (2018). O vozzreniyakh yaponskogo prosvetitelya Nisi Amane [The Views of Japanese Enlightenment Thinker Nishi Amane]. *Voprosy filosofii*, 3, 176–186. (In Russian).

* * *

Bourdaghs K., Ueda A., Murphy J. *Theory of Literature and Other Critical Writings*. New York: Columbia University Press.

Karatani, K. (1988). *Nihon kindai bungaku no kigen* [The Origins of Modern Japanese Literature]. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Tsubouchi, S. (2010). *Shōsetsu shinzui* [The Essence of the Novel]. Tokyo: Iwanami Syoten. (In Japanese).

Yamamoto, M. (1968). Maejima Hisoka no kanji haishi kenpaku to genbun'ichi katsudō (Nihongo no kindaika ni jinkushita ninjin) [The Petition of Maedzima Hisoka for the Abolition of Kanji and the Unification of Written and Spoken Language (Individuals Dedicated to Modernizing the Japanese Language)]. *Gogoseikatsu*, 198, 86–94. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 06.08.2023

Received: 06 August 2023

Принята к публикации: 22.01.2024

Accepted: 22 January 2024